

комился, ему показалось, что «лучше оной было непотребно» для выполнения поставленной перед ним задачи.⁸ Однако, получив затем другие летописи, Татищев обнаружил, что если даже некоторые из манускриптов оказывались «по надписям и одного творца», все же и в таком случае нельзя было «сыскать, чтоб два во всем равны были: в одном то, в другом другое сокращено или пространнее описано, инде пропущено или потеряно, инде обстоятельство невероятное прибавлено».⁹

Эти затруднения историко-критического порядка оказались усугубленными другими трудностями, уже архивно-библиотечного характера. Лишь часть используемых Татищевым рукописей, как он отмечал, находилась в «постоянной государственной книгохранительнице» или в монастырях. Большинство же рукописей было «в руках разных людей» и переходило «часто из рук в руки». Ссылаться на неизвестно где находящиеся рукописи, конечно, было бы невозможно. При таких условиях Татищев опасался, что если он переменит порядок летописного повествования, излагая события не по годам, а «по делам» и изменит «наречие» с древнего на новое, то в случаях сомнений, правильно ли передано им то или иное летописное известие, проверка текста его «Истории» оказалась бы невозможной. А это для Татищева значило бы «вероятность погубить» весь его многолетний труд. В итоге таких размышлений Татищев отказался от «гисторического» порядка изложения «Истории» и, говоря его словами, «рассудил за лучшее писать тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написаны, ни переменяя, ни убавляя из них ничего, кроме не надлежащего к светской летописи».¹⁰

Такие «порядок» и «склад» первоначальной редакции «Истории российской» вызвали порицания со стороны некоторых петербургских ее читателей. Татищев им возражал, что он сочинял свою «Историю не для увеселения читающих красноречивое сложение» и что он «о сладкоречии и критике не прилежал».¹¹

Нечего говорить, что в составе такого строго летописного изложения не могли найти себе места ни плоды обширной учености, ни его богатый жизненный опыт, служившие ему не раз благодарным материалом для критики летописных известий и для сравнительно-исторических сопоставлений явлений русской, западной и восточной историй. Все эти разнообразные сведения, которые, при «гисторическом» приеме изложения явились бы составными частями самого текста «Истории российской», теперь были сведены Татищевым в особую часть его «Истории» — в примечания. В особой главе «О причине Предызвещения и примечаний» Тати-

⁸ История российская, т. I, стр. 123, 89.

⁹ Там же, стр. 91.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 86.